

В статье представлены промежуточные результаты исследования «Военная тема в архитектурно-пространственном освоении Дальнего Востока», проводимого в рамках гранта Российского научного фонда. Основная часть исследования посвящена организации базы Амурской речной флотилии в Осиповском затоне под Хабаровском (1908–1918). На примере этого частного случая рассматривается ряд вопросов, связанных с пространственной и социальной иерархией военных городков, эффективностью войсковых строительных комиссий, проблемами поиска качественных стройматериалов, с адаптацией «буржуазных» проектов к особенностям экипажной жизни. Высказывается предположение о влиянии И. С. Китнера на формирование кирпичного гарнизонного стиля.

Ключевые слова: Дальний Восток; Амурская речная флотилия; Казарменная комиссия; гарнизонная архитектура. /

The article presents the results of the first year of research conducted within the framework of the Russian Science Foundation grant “Military theme in the architectural and spatial development of the Far East”. The main part of the text is devoted to the organization of the Amur River Flotilla (ARF) base in the Osipovsky backwater near Khabarovsk (1908–1918). Using this particular case as an example, a number of issues related to the spatial and social hierarchy of military towns, the effectiveness of military construction commissions, the problems of finding high-quality building materials, and the adaptation of ‘bourgeois’ projects to the specifics of crew life are examined. It is suggested that I. S. Kitner had an influence on the formation of the brick garrison style.

Keywords: Far East; Amur River Flotilla; Barracks Commission; garrison architecture.

Строительство базы Амурской речной флотилии (1908–1918) / Construction of the Amur River Flotilla base (1908–1918)

Введение

Объектом исследования является архитектурно-градостроительный ансамбль базы Амурской речной флотилии (АРФ) в Осиповском затоне под Хабаровском, анализируемый на трех уровнях – планировочном, архитектурном и символическом. В Хабаровске, Владивостоке, Уссурийске и Николаевске-на-Амуре военные городки и отдельные постройки 1900–1914 годов, возведенные военным ведомством, хорошо сохранились и почти все продолжают использоваться силовыми структурами, что делает затруднительным натурное обследование и тем более публикацию фотографий, фиксирующих современное состояние объектов. В качестве примера можно привести краснокирпичные ансамбли Хабаровского гарнизона (сегодня – так называемый Волочаевский городок), Николаевских казарм на Первой Речке и казарм 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка на Второй Речке во Владивостоке.

Хабаровская база АРФ дает редкую возможность для свободного изучения архитектурно-градостроительного наследия военно-морского ведомства и (что не менее важно) открытой публикации результатов исследования. Большинство построек базы сегодня используется как жилье (за исключением двух зданий, занятых полицией), а сама локация органично вошла в градостроительную структуру Северного округа Хабаровска, сохранив первоначальные композиционные оси, разбитые по генплану 1910 года.

К сожалению, деревянная часть застройки почти полностью утрачена, но краснокирпичные 1–4-этажные казармы и офицерские флигеля сохранили аутентичный облик (рис. 1, а, б). Уцелели даже оконные переплеты, двери и лестничные перила начала XX века (рис. 1, в, г). В советский период база АРФ, переименованная в базу Краснознаменной Амурской флотилии (КАФ), продолжала застраиваться в соответствии с первоначальным генпланом. Примеры дальневосточного ар-деко 1930-х годов представляют не меньший интерес, чем более ранний пласт краснокирпичной гарнизонной архитектуры.

Хронологические рамки исследования заданы годом начала работ по организации Осиповского затона (1908) и годом расформирования базы АРФ (1918). Постройки советского периода упоминаются обзорно.

Методика работы над статьей включает натурные обследования и архивные изыскания. Основными источниками информации послужили журналы Комиссии по устройству базы для Амурской военно-речной флотилии (далее – КУБ), хранящиеся в фонде 1566 Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) [1] и акты КУБ о приемке строительных работ из фондов 1273 [2] и 422 [3] Российского государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ). Комиссия (председатель – генерал-майор Анчевский, члены комиссии: капитан 2-го ранга Ершов, инженеры Николаев и Казанфаров) регулярно обследовала строящиеся объекты, фиксировала в протоколах степень готовности и указывала на недочеты, требующие исправления. Изучение документов КУБ помогает реконструировать процесс строительства базы, но, заметим, что фрагментирование журналов хабаровской комиссии по архивам Москвы и Петербурга осложняет исследовательскую задачу. Большинство архивных материалов, включая проекты казарм и генплан базы АРФ, представлены впервые.

Символическая социальная иерархия и пространственная структура базы

Названия улиц – Адмиральская, Офицерская, Матросская, Лоцманская – четко отражали иерархию социального устройства базы АРФ. На вершине этой воображаемой пирамиды, напоминающей иллюстрацию из школьного учебника истории, находился начальник флотилии, затем офицерский корпус и военные инженеры, далее – команды экипажа, ниже – вольнонаемные (в том числе лоцманы) и сверхсрочнослужащие, еще ниже – обыватели-слобожане («здешние города наполнены труппами с самым подозрительным людом в них» [4, с. 18]). Подножие пирамиды составляли китайские/корейские рабочие, которые и строили большинство объектов военно-морского ведомства по всему Приамурскому военному округу (ПВО), вызывая негодование Петербурга («оборонительные работы до последнего времени производились руками корейцев и китайцев, что, без всякого сомнения, может крайне вредно отразиться на боевой нашей защите» [5, с. 248]). На картах городов Приамурского края до определенного периода отмечались китайские/корейские деревни и кладбища; на плане базы АРФ таких

текст

Алина Иванова
Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)
text
Alina Ivanova
Pacific National University
(Khabarovsk)

Исследование
выполнено за счет гранта
Российского научного
фонда № 24-28-20354,
[https://rscf.ru/
project/24-28-20354/](https://rscf.ru/project/24-28-20354/) и
Министерства образования
и науки Хабаровского
края (Соглашение №
119С/2024) /

Acknowledgements: The
study was supported by
a grant from the Russian
Science Foundation
No. 24-28-20354,
[https://rscf.ru/
project/24-28-20354/](https://rscf.ru/project/24-28-20354/) and
the Ministry of Education
and Science of Khabarovsk
Krai (Agreement No.
119C/2024)

^ > Рис. 1. Фотофиксация базы Амурской речной флотилии. Хабаровск, февраль–март 2025 года: а – трехэтажная казарма (ул. Ильича, 7); б – двухэтажные казармы (ул. Ясная, 38–40); в – сохранившаяся деревянная дверь в духе ар-нуво (ул. Ясная, 40). Фото автора

указаний нет (хотя вся ее территория до 1908 года была занята корейскими усадьбами, но в рапортах о строительстве базы постоянно мелькают упоминания фанз. Символическая иерархия была буквально воплощена на практике: база представляла собой двухъярусную структуру: «нижние чины» и обитатели подножия социальной пирамиды населяли землянки, бараки и старые фанзы по берегам затона; на верхнем плато в новеньких кирпичных казармах и флигелях жили офицеры и моряки. В современной топонимике базы КАФ также присутствуют названия Адмиральская и Матросская, не совпадающие с историческими улицами.

Планировочное решение. В августе 1910 года помощником приморского областного землемера Поротовым был запроектирован участок земли под устройство базы для АРФ, заключающей в себе 818 десятин (400 кв. саженей), из которой удобной земли насчитывалось 633 десятины. Пока нам не удалось найти оригинальный генплан базы, но в фонде 409 РГАВМФ впервые была выявлена копия генплана 1914 года с указанием как уже существующих в 1910–1911 годах, так и запланированных построек. Из-за огромных размеров и ветхого состояния синьки мы решили не заказывать копию, поэтому приводим схему, выполненную по крокам (рис. 2). Глядя на схему, следует помнить о ярко выраженном рельефе участка. Две дороги, ведущие на северо-запад и запад, к Балтийскому заводу и пороховым погребам, шли резко под уклон, спускаясь к берегу Амура. Пороховые погреба на подрезанных склонах сопки неплохо сохранились, но деревянный поселок Балтийского завода, располагавшийся по берегам затона, бесследно исчез. Облик нижнего поселка (кишащие крысами и тонущие в нечистотах «скученные частные дома, фанзы, хлевы, конюшни, бараки команд, мастерские» [3, с. 21]) можно реконструировать по рапортам начальников флотилии, хранящимся в фонде 422 РГАВМФ.

Главная композиционная ось верхнего, «экипажного» поселка, проложенная по грунтовой Осиповской дороге (ныне ул. Руднева), была ориентирована на северо-восток и застраивалась краснокирпичными гарнизонными зданиями переменной этажности (1–3 этажа). В основном это были компактные в плане штабные и офицерские флигеля. Деревянные казармы занимали

кварталы к югу от дороги. Ключевой перекресток с Адмиральской улицей, ведущей к дому начальника флотилии («адмиральскому дому») был акцентирован водонапорной башней, до сегодняшнего дня являющейся главной вертикальной доминантой базы КАФ (рис. 3, а). Несмотря на небольшую длину, Адмиральская улица была самой важной в символическом пространстве базы. До 1930-х годов там продолжалась застройка в соответствии с первоначальным генпланом. Так как процесс создания единого репрезентативного ансамбля не был доведен до конца, на короткой улице соседствуют и кирпичные казармы 1912–1914 годов (рис. 3, б), и двухэтажные деревянные многоквартирные дома 1920-х годов (рис. 3, г), и оштукатуренные палатки в духе раннего советского ар-деко (рис. 3, а, г). Сегодня бывшая Адмиральская называется «улица Ильича», что также указывает на ее высокий статус в советское время. В самом центре Хабаровска Барановскую улицу на Артиллерийской горе называли именем Ленина, но важность базы КАФ подчеркивалась дублированием отчества вождя мирового пролетариата. Завершая тему символизма топонимии, отметим двойственность названия улицы Руднева, отсылающего к памяти и капитана «Варяга» (бронзовая доска с бюстом В. Ф. Руднева на стене дома в самом начале улицы была открыта 1 ноября 1987 года), и начальником политотдела базы КАФ Героя Советского Союза С. В. Руднева.

Вторым, после Адмиральского дома (рис. 4), композиционным, символическим и смысловым центром базы АРФ, судя по генплану, являлась большая церковь-столовая (рис. 5, а), расположенная на пересечении основных планировочных осей север – юг и запад – восток и ориентированная на Амур. Неочевидное, на первый взгляд, решение об интеграции культовой функции в помещение для общественного питания было обычным делом в дальневосточных гарнизонах (например, во Владивостоке и Николаевске-на Амуре). С двух сторон – с юга и севера – здание церкви фланкировали корпуса огромных краснокирпичных трехэтажных казарм на 450 и 432 человека. Перед этой монументальной трехчастной композицией расстился военный плац – сегодня стадион «Авангард».

Особенностью генплана базы АРФ являются плавные очертания улиц, повторяющих овал военного плаца

6

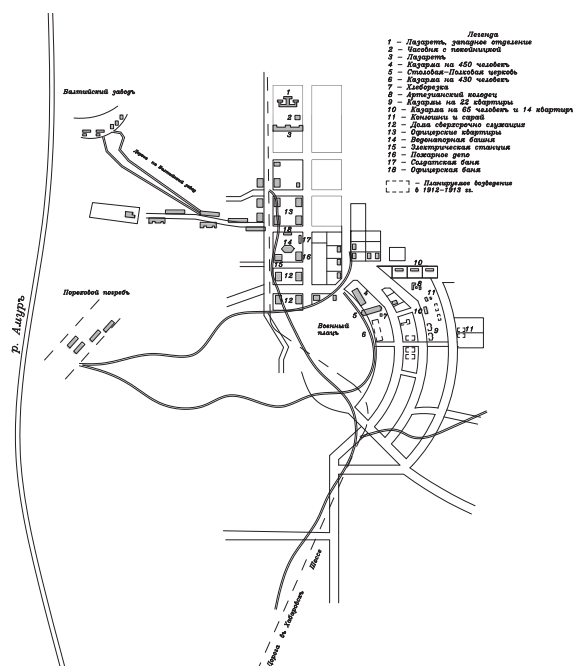
(современные названия – Краснофлотская и Ясная). Этот планировочный прием совершенно не типичен для стандартных схем организации гарнизонов. Для сравнения приведем план размещения стрелкового полка в Харбине 1902 года (рис. 6), очевидно инспирированный генпланами гарнизонов из альбомов типовых чертежей, периодически издававшихся инженерным ведомством (рис. 7).

Интересно, что на исторических генпланах самого Хабаровска, как и прочих городов Приамурского военного округа – от Благовещенска и Николаевска-на-Амуре до Владивостока и Никольска-Уссурийского, ничего подобного не заметно. Дугообразные очертания улиц, дублирующие контуры круглых/овальных площадей, использовались в планировках новых русских городов – Ташкента, Харбина (рис. 8, а), Дальнего (рис. 8, б), возводимых на окраинах империи с перспективой на столичный статус – как знак «постосмановской» градостроительной культуры. Неожиданное появление этих плавных изгибов на проекте базы АРФ, возможно, свидетельствует, что она воспринималась не просто типичным гарнизоном, а сердцем будущего «города-сада». Следует отметить, что этот (гипотетический) замысел удался: сегодняшняя база КАФ, сохранившая малоэтажную застройку и утопающая в садах-палисадниках, сохранила обаяние градостроительных социальных утопий начала XX века.

Организация строительных работ. Нами ранее уже затрагивалась проблема параллельного существования двух инстанций, отвечавших за строительство по заказам военного ведомства в Приамурском военном округе, – Окружного инженерного управления и Казарменной комиссии, которой подчинялись местные войсковые строительные комиссии. Окружное инженерное управление придерживалось «коммерческого» («комиссионного») способа ведения дел, при котором само утверждало проекты зданий и «устанавливало довольно высокие предельные цены. Из ассигнованных на постройки кредитов производители работ получали около трети в свое распоряжение в виде авансов» [5, с. 122]. Если учесть, что никаких крупных частных строительных работ в крае не велось, военные инженеры-комиссионеры являлись единственными организаторами работ, что позволяло им влиять на цены местных рынков. Коммерческий

способ, помимо свободы и самостоятельности, давал военным инженерам ряд серьезных преимуществ: они распоряжались и беспроцентными кредитами в виде имевшихся у них авансов, и техниками, и поставщиками; с помощью подставных лиц выигрывали торги и получали казенные подряды. В Казарменной комиссии использовался «хозяйственный» способ ведения дел со строгой отчетностью.

В 1909–1910 годах в Приамурском округе помимо Окружного инженерного управления были учреждены восемь войсковых строительных комиссий. Постоянные препятствия работе Казарменной комиссии, чинимые местной администрацией, действовавшей заодно с военными инженерами, вызвали в итоге ревизионную проверку сенатора Глицинского (1910). Целью ревизии было не только выявление «отдельных неправильностей, влекущих ущерб казне» [5, с. 122], но и «выяснение

< Рис. 2. Схема генплана базы Амурской речной флотилии. 1914. Выполнена на основе [7]

^ v > Рис. 3. Фотофиксация бывшей Адмиральской улицы (сегодня – ул. Ильича). Хабаровск, 26.02.2015:

а – перекресток улиц Ильича и Руднева зафиксирован водонапорной башней; б – казармы на перекрестке Ильича – Руднева по нечетной стороне; в – деревянные многоквартирные жилые дома 1920-х годов; г – новый «адмиральский дом», ул. Ильича, 2. Фото автора

общей организации строительства, способов производства инженерных работ и заготовок в соответствии их местным особенностям Дальнего Востока» [5, с. 122]. Четырехтомный отчет, изданный по итогам проверки (в первую очередь том, посвященный работе войсковых комиссий [5]), является важнейшим источником информации по теме нашего исследования.

Подводя итоги ревизии деятельности войсковых строительных комиссий в Приамурском военном округе, команда Глишинского резюмировала, что постройка казарм посредством комиссий имеет ряд преимуществ перед постройкой, произведенной инженерным ведомством: «...фактическое участие в Казарменной комиссии представителей от войск поднимает их значение во мнении армии. Вместе с тем состав и организация войсковых строительных комиссий обеспечивают как интересы казны, так и контрагентов по заключаемым этими комиссиями подрядам и поставкам и внушают полное доверие населению» [5, с. 468].

Чтобы предотвратить злоупотребления и обеспечить оперативную реализацию проекта, строительство базы АРФ было поручено войсковым строительным комиссиям. Руководителем («главным производителем») работ был назначен военный инженер Николаев, который, судя по протоколам КУБ, действительно старался как мог.

Решение проблемы стройматериалов. Например, в контексте обсуждения «merulius-lacrymans, свирепствовавшего в Приамурье» [1, с. 30] (домовый грибок являлся не меньшей угрозой деревянным зданиям, чем пожары) приводится объяснение Николаева: «До сих пор в постройках комиссии не было повреждения от грибка, потому что комиссия закупает лесной материал, бревна, балки и брусья с верховьев р. Тунгуски с нагорной сухой местности. Доски же закупаются из Малмыжа в расстоянии 300 верст от Хабаровска. Этот лес также еще не подвергался заболеванию. Кроме того, лес дезинфицируется раствором сулемы и микотонатона. В Хабаровске, действительно, лес заражен, но там в большинстве случаев употребляется болотистый и никаким мер предупреждения почти не употребляется» [1, с. 42]. Эта цитата из протокола № 697 от 17.06.1915 наглядно иллюстрирует принципиальную разницу между обычным способом строительства в Приамурье и высокими нормами качества, принятыми в казарменных комиссиях.

Не меньше проблем доставляли поиски хорошего кирпича. 4 сентября 1909 года был подан рапорт об отводе 10 десятин вблизи границы базы АРФ под постройку кирпичного завода [2, с. 135]. О готовности «приступить к подготовительным работам по эксплуатации комисионного кирпичного завода» было доложено только в середине весны 1915 года. Пока строился собствен-

ный завод, войсковая строительная комиссия в начале 1910 года отдала подряды «на поставку огнеупорного кирпича местного завода» [1, с. 35], принадлежавшего наследникам известного владивостокского промышленника А. Д. Старцева. Знаменитый старцевский кирпич производился на заводе в имении «Родина» (остров Путятина) с 1893 по 1900 год. Сыновья Старцева в 1906 году построили новый кирпичный завод на станции Угольная, вероятно, рассчитывая на подряды в связи с масштабным железнодорожным строительством в Приморье. Но при приемке кирпич был забракован, «и фирма, взявшая подряд, вместо местного кирпича поставила настоящий английский огнеупорный кирпич» [1, с. 35]. Однако из Петербурга помчались гневные телеграммы с приказом не использовать в военном строительстве иностранный кирпич. Пришлось искать выходы: «...удалось одолжить огнеупорного кирпича у хабаровской войсковой комиссии, из этого кирпича сложены топливники банных печей и своды хлебопекарен, все же остальное – из местного обычного» [1, с. 35]. «Вообще же комиссия обещала, что будет по-прежнему обращать особое внимание на надлежащую отсортировку кирпича, изготовляемого хозяйственным способом на казенном кирпичном заводе» [1, с. 35].

Накладные расходы. Несмотря на все усилия, общая оценка деятельности войсковой строительной комиссии была неутешительной: «Несовершенство организации технического надзора за работами на базе не подлежит сомнению, и оказавшиеся дефекты в построенных зданиях служат красноречивым этому доказательством» [1, с. 23]. Хотя производители работ объясняли сбой графика форс-мажорными обстоятельствами (паводок затопил фундаменты, готовые оконные рамы и двери для казарм сгорели при очередном поджоге столярной мастерской и проч.), проверяющие инстанции видели главную проблему в том, что Николаев одновременно возглавлял работы в двух войсковых комиссиях, находящихся в 32 верстах друг от друга. Проверки настаивали, чтобы «техники строительной комиссии имели местожительства на базе и чтобы они не были связаны какими-либо посторонними работами» [1, с. 23]. Но основные вопросы возникли в связи с несообразно высокой суммой накладных расходов – 48220 р. («7 процентов

от общей суммы 691000 р., разрешенной на строительство в текущем году» [1, с. 23]). В смете на содержание войсковой строительной комиссии приводились следующие расценки: «Вознаграждения производителям работ: Казанфарову – 6000 р., Николаеву – 2400 р.; разъездные деньги: Председателю – 1200 р., членам – 900 р., производителям работ – 2400 р.; абонентская плата за телефон – 320 р., телеграммы и почтовые расходы – 500 р.» [1, с. 24]. В ответ на настойчивые рекомендации снизить накладные расходы после длительной переписки решено было «уменьшить отопление сторожей – экономия на 179 р.» [1, с. 24], а вместо «казенной лошади», содержание которой обходилось в 240 р., у Петербурга стали выпрашивать автомобили «Фиат».

Архитектурный облик базы: выбор стиля

К сооружению построек на базе Амурской речной флотилии планировалось приступить с весны 1909 года, в самом начале января предполагалось устроить в Хабаровске торги на предстоящие работы. Оперативно разрабатывался «общий проект всего расположения и частные проекты типов зданий» [3, с. 56] (вероятно, тот самый генплан, который мы рассматривали выше). Адмирал Карл Карлович Де-Ливрон, возглавлявший петербургский Особый комитет по организации Амурской флотилии и хабаровскую Особую комиссию по выбору места базы АРФ, поручил разработку проектов всех капитальных

в Рис. 4. Фотофиксация старого «адмиралского дома» (сегодня – детско-юношеская спортивная школа «Самбо-90»). Хабаровск, Матросский переулок, За. 06.03.2015. Фото автора

^ > Рис. 5.
Фотофиксация церкви-столовой. Хабаровск, ул. Краснофлотская, 16. 26.02.2015: а – общий вид; б – элементы кирпичного декора, ступенчатый аттик и многоярусный карниз; в – сохранность интерьера; г – железная колонна; д – маркировка железных колонн. Фото автора

построек будущей базы окружному инженеру во Владивостоке И. С. Багинову, которого ему порекомендовал кто-то из местных чиновников. Помимо гражданского инженера Ивана Сергеевича Багинова, к работе над проектом подключился военный инженер полковник Иван Андреевич Заборовский, назначенный после окончания Русско-японской войны старшим производителем работ Владивостокского порта. Их имена постоянно фигурируют в документах из фонда Штаба Амурской флотилии. Оба инженера, вслед за ведущим владивостокским архитектором Иваном Владимировичем Мешковым, работали в духе фасадного безордерного классицизма, злоупотребляя расшивкой под руст, сеткой горизонтально-вертикального членения из карнизов и пилястр, сандриками, архивольтами и прочими архитектурными излишествами.

Однако у Казарменной комиссии под руководством И. К. Гаусмана был собственный, мгновенно опознаваемый «гарнизонный» стиль на основе кирпичной кладки с отчетливым северо-европейским акцентом (ступенчатые фронтоны, пинакли, вимперги, многоярусный декор лопаток).

В качестве рабочей гипотезы предположим, что к формированию этой новой (относительно классицистских русских казарм XVIII–XIX веков) эстетики имел отношение тайный советник Иероним Севастьянович Китнер, известный архитектор, редактор «Зодчего», который, помимо прочего, 22 года был членом Комиссии по устройству казарм. В книге Т. И. Николаевой «Виктор Шретер. Иероним Китнер» (Санкт-Петербург: Коло, 2007) об участии Китнера в работе Казарменной комиссии упоминается крайне лаконично. Но зная его обширные публикации в «Зодчем», посвященные кирпичной архитектуре, и помня китнеровские постройки в Петербурге, мы склонны видеть в творчестве тайного советника истоки гарнизонного стиля 1910-х, типичным примером которого являются казармы и флигеля базы АРФ (рис. 1).

Адмиральский дом: от проекта к реализации. «Планы домов для чинов флотилии», предложенные И. С. Багиновым и представленные К. К. Де-Ливроном «на Высочайшее утверждение при Военном Совете Комиссии по устройству казарм» [3, с. 56] в августе 1909 года, категорически не понравились начальнику базы капитану 1-го ранга А. А. Кононову. В рапорте председателю Особого комитета по организации прибрежной обороны от 31.03.1910 он развернуто обосновал длинный ряд замечаний по многим объектам, но особенно его возмутили варианты планировки «адмиральского особняка».

Основная претензия Кононова сводилась к тому, что гражданский инженер спроектировал обычный особняк для семейной буржуазной жизни, а не для «серьезной жизни трудящегося и занятого начальника достаточно большой и совершенно изолированной части, ему вверенной для Государственных задач!» [3, с. 60]. Прежде всего ему не понравился симметричный «дворцовый» фасад с выступающими «Николаевскими крыльями» и парадным подъездом на оси симметрии, хотя это был традиционный прием, позволяющий сразу обозначить высокий социальный статус заказчика. Однако для Ко-

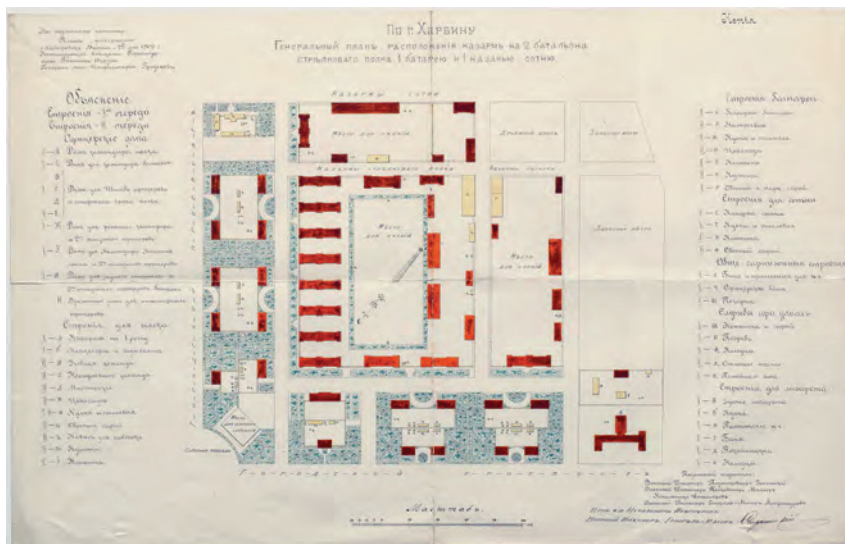
нонова функциональность помещений была важнее симметричности плана. В первом варианте планировки он раскритиковал спальню в левом крыле с тремя наружными стенами, «что в этом климате поведет к частым заболеваниям» [3, с. 60]. Второй вариант оказался лучше: «...там спальня и детская, достаточные по величине, размещены в середине, как следует, а подъезд с боку имеет преимущества перед центральным в доме, не имеющем характер дворца. Наружные стены без выступов, т. е. нет холодных и отсыревающих углов» [3, с. 60].

Однако и в этом плане Кононов нашел массу недостатков, свидетельствовавших о незнании гражданским инженером специфики офицерской жизни. В связи с полным отсутствием светской инфраструктуры на базе, именно дом начальника флотилии ежедневно должен был исполнять функции и штаба, и клуба, и общественно-го собрания, куда на обеды и ужины постоянно являлись все офицеры с женами. Помещения, запроектированные Багиновым, явно не соответствовали предполагаемой интенсивности эксплуатации: «Вход, сени и передняя для частного дома и маленькой семьи были бы достаточны, но они курьезны даже для штабс-офицера – в проектируемой передней нельзя будет даже развесить одежду. Что же касается Командующего, у которого по табели комплектации уже сейчас имеется 86 офицеров, большинство из которых женатые, поместить их на 2 кв. саженях передней (где к тому же постоянно должны находиться денщик, вестовой и телеграфист) очевидно нелегко» [3, с. 61]. Далее Кононов переходит к кабинету, который на плане «очень мал», и подробно объясняет, как оборудовать помещение, где командующему флотилией «придется заниматься с целым рядом специалистов» [3, с. 61]. По стенам должны быть «развешены специальные карты и планы, стоять шкафы со справочной библиотекой, иметься столы (у главных командиров – биллиарды), на которых можно удобно разложить при докладе планы и чертежи; в середине иметь большой стол для занятий и поворотную этажерку рядом» [3, с. 61]. В кабинете, спроектированном Багиновым, «не только повернуться будет нелегко, но и разместить всего этого нельзя будет» [3, с. 61].

Список претензий Кононов резюмировал замечанием о том, что «нельзя и предполагать, чтобы в неудобной обстановке Командующий стал бы охотно проводить долгие часы за занятиями, которых необходимо здесь быть очень много... Возможно ли требовать умственной сосредоточенности, когда рядом с деловым кабинетом проектирована столовая (без буфетной), в непосредственной близости с кухней, неизбежным чадом, стуком посуды, суетней близко расположенной прислуги, шныряющей по узенькому коридорчику вдоль стен кабинета, и обычной домашней возни, и игры на музыкальных инструментах» [3, с. 61]. Начальник флотилии предвидел, что кроме прислуги, командующего будут отвлекать и гости хозяйки, проходящие мимо кабинета. «Все это буржуазное размещение далеко от того делового и обдуманного размещения», которое представлялось ему соответствующим занимаемой должности: «...нельзя не отметить, что проект архитектора Багинова рационально составлен с точки зрения жилого дома, а не командующего» [3, с. 61]. После такой отповеди И. С. Багинов, вероятно, сделал попытку как-то исправить проект, уйти от «буржуазности» и выполнить все пожелания начальника флотилии, но в итоге получилось довольно невразумительное сооружение (искаженное к тому же надстройкой 1920-х годов).

По протоколам КУБ можно проследить реализацию затянувшегося до конца 1915 года строительства адмиралского дома (к этому времени начальником флотилии стал вице-адмирал Баженов).

В фонде 1273 выявлена загадочная телеграмма в Петербург о том, что «журналом комиссии от 17.01.15,

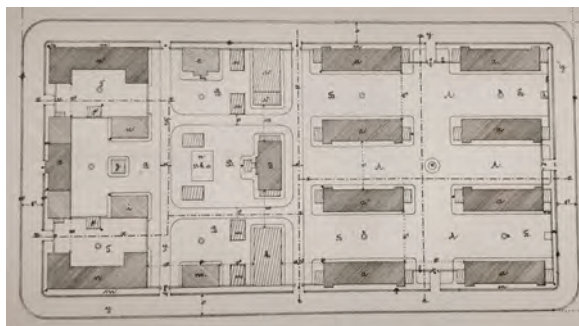

представленным через Окружное управление, исчисления мебелировка дома начальника флотилии ошибочно 15000 р. Нужно считать 4500 р.» [2, с. 6]. Для коммерческого способа ведения строительства, принятого в Окружном инженерном управлении, «ошибка» в 10000 р. была обычным делом.

В протоколе № 697 от 17.06.1915 отмечается, что «штукатурка адмиралского особняка ведется довольно тщательно, но тяги, идущие по арке между гостиной и залой, нарушают общую гармонию. Кладка прямоугольных печей ведется по наружному виду тщательно, но применена оборотная система, отжившая свое время и более не применяемая» [1, с. 35]. Однако исполнитель работ доложил, что такая система печей была выбрана лично начальником флотилии.

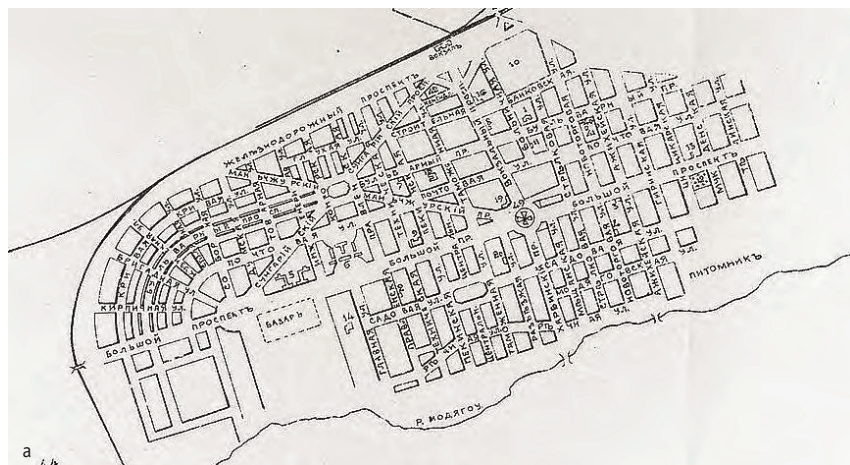
В протоколе № 735 от 3.10.1915 приведены результаты осмотра «наблюдающего за военными инженерами подполковника Милютину»: «Дом адмирала почти окончен, заканчиваются столярные работы, полы и стекольные. Оконные переплеты сделаны с излишней роскошью – во второй оконный переплет вставляется два стекла, следовательно, выходит в двух оконных переплетах три стекла. Полы корабельного типа под линолеум делаются вполне тщательно, но не врезаны в углах решетки для вентиляции подпольных пространств. Арка между залой и гостиной не вполне правильных очертаний. При доме сделан ледник» [1, с. 45].

По ходу работ обнаруживались все новые недочеты, и Баженов специальной телеграммой в Петербург, в Комитет по организации береговой обороны, ходатайствовал о выделении дополнительных 2250 р. для «строительства у его заканчивающегося дома отдельного деревянного помещения 9 кв. саженей для кучера и прочей мужской прислуги», а также указывал, что «в доме нет подвала и ванной комнаты», а сам дом «расположен вдали от всех построек базы» [1, с. 40]. Вероятно, место на вершине сопки, продуваемой всеми ветрами, откуда открывался вид на Амур, затон и Балтийский завод,

^ Рис. 6. План гарнизона. Харбин. 1902 [8]

< Рис. 7. План общего расположения казарменных зданий из альбома «Проекты казарменных зданий каменного типа на пехотный полк» (Санкт-Петербург, 1882)

^ Рис. 8. Фрагменты генпланов дальневосточных городов: а – фрагмент генплана Дальнего из альбома К. Г. Сколикамского [9]; б – фрагмент генплана Нового города в Харбине из брошюры «Спутник по Дальнему Востоку» (Харбин, 1911–1912)

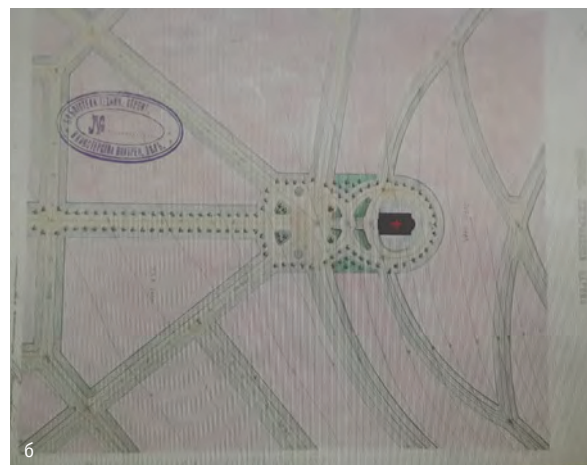
было выбрано Кононовым, но сменивший его на посту начальника флотилии вице-адмирал Бажанов не оценил романтичности уединенной локации. Потребовались работы по благоустройству территории, о которых также сообщают акты и протоколы КУБ, дающие представление о стандартах, принятых в военно-морском ведомстве.

«От палисадника у дома адмирала до Офицерской улицы откосы полотна и канав укреплены сплошной одерновкой, по бровкам полотна положена дерновая лента в ширину 0,15 саж. Проезжая часть замощена на ширину 2,1 саженой камнем гранитных пород по слою песка толщиной в 4 вершка. По краям мощения уложен каменный бордюр, для пропуска воды установлены мощные лотки. Для съезда с полотна к зданиям устроены мощные аппарели. Мостик окрашен в серый цвет с белыми головками тумб. По обочинам, между бордюром и тротуаром, произведена посадка деревьев» [6]. Качество работ в целом комиссию удовлетворило: «... устройство мостовой дороги на протяжении 150 саженой от дома адмирала до шоссе производится тщательно, никаких замечаний нет» [1, с. 45].

Непарадный облик адмиральского дома (рис. 4), вероятно, показался не соответствующим статусу нового советского командования базой, и здание в 1920-х отдали под школу. В самом начале ул. Ильича (бывшей Адмиральской) для начальника Краснознаменной флотилии был построен небольшой дворец с мощным портиком и симметричным главным фасадом (рис. 3, г).

> Рис. 9. Проекты казарм (в дальнейшем будут дополнены авторами) [8]

Монументальная торжественная архитектура советского «адмиральского дома», на фоне которой старый «адмиральский особняк» казался малозначительной хозяйственной постройкой, должна была подчеркнуть величие новой власти и ее наглядное превосходство над упрямленным порядком. Сегодня в старом адмиральском доме находится детско-юношеская спортивная школа, а в новом – перинатальный центр. Визуальный осмотр старого адмиральского дома выявил полную утрату аутентичных элементов интерьера (печи, столарка, фурнитура, напольная плитка и проч.), но само здание находится в хорошем состоянии и активно эксплуатируется.

Церковь-столовая. Гораздо хуже сегодня обстоят дела со вторым по значимости объектом базы АРФ, превращенным в 1923 году в «матросский клуб», заброшенным после пожара и постепенно, но неотвратимо руинирующимся (рис. 5, а, б). Осмотр постройки, проведенный 26.02.2025, выявил сохранность аутентичных конструктивных элементов – чугунных колон, отлитых на хабаровском заводе «Арсенал», и балок перекрытий (рис. 5, в, г).

Проекта церкви-столовой пока найти не удалось, и сомнительно, что он был. Судя по документам, основной производитель работ инженер Николаев импровизировал на ходу, ориентируясь прежде всего на финансирование. Из журналов КУБ не удалось выяснить, была ли в итоге освящена церковь, но сам строительный процесс подробно задокументирован. В протоколе от 21.04.1915 сообщалось, что «церковь-столовая вчерне почти закончена, сложены кирпичные стены, уложены потолочные балки, по ним потолок; установлены стропила, сделана обрешетка и железная крыша» [1, с. 23]. В середине июня была окончена штукатурка стен; «покрытие крыши закончено за исключением над наружным кирпичным крыльцом, над которым, по сообщению инженера Николаева, предполагается постройка колокольни. Над одним из входов-тамбуров предполагается сделать звонницу-колокольню, на которой и повесить колокола. Вопрос о постройке этой звонницы будет закончен согласно указаний флотилий и по соглашению с контролером, в зависимости от полученной экономии. Без устройства такой звонницы пришлось бы строить особый навес для подвешивания колоколов, что вызвало бы расход такой же, как и устройство звонницы над готовым тамбуром» [1, с. 35].

К октябрю 1915-го кирпичная кладка колокольни была окончена, в открытых оконных проемах предполагалось повесить три колокола общим весом 60 пудов. В помещении столовой шла заливка асфальтовых полов, остальные работы были окончены, за исключением столарных, стекольных и установки в кухне очага. Комиссия отметила, что «в арке перед иконостасом пропущена четверть для дверного косяка. На вопрос, чем будет отделяться столовая, которая во время служения должна быть

местом для молящихся, а в обыкновенное время служить для расстановки обеденных столов, старший десятник ответил, что ничем не предложено отделить, и действительно – арка совершенно гладкая» [1, с. 45]. Вероятно, предполагалась завеса.

В середине октября 1915 года была вчерне почти закончена и покрыта железной крышей каменная 3-этажная казарма для 450 матросов. Для межэтажных перекрытий были «уложены деревянные и железные балки, по деревянным балкам уложен настил из досок под асфальтовые полы, а между железными балками – кирпичные сводики» [1, с. 45]. Проект этой казармы (прекрасная акварельная отмычка фасада и поэтажные планы, к сожалению, без подписи) с примечанием «куб. содержание воздуха в помещении 1050 куб. саж, на человека – 2.43 куб. саж.» мы нашли в фонде 315 РГАВМФ [8].

Организация быта. После изгнания корейских огородников свежие овощи покупать стало негде, пришлось выпрашивать у Петербурга разрешение устраивать при жилых постройках капустные погреба. Аккуратные казармы и офицерские флигеля, bravо выстроившиеся вдоль красных линий, быстро обрастали множеством хозяйственных пристроек, не предусмотренных типовыми генпланами гарнизонов. Во внутренних документах АРФ есть указание на то, что во дворе казармы могут размещаться: хлебопекарни, склады для сухой провизии и цейхгаузы для обмундирования, бани, прачечная с сушилкой, мусорная яма, конюшня с сеновалом, сарай для фуража, гимнастика, столб с гигантскими шагами, несколько столбов с крючьями для сушки белья, сарай для пожарного обоза. В новом артезианском колодце вода наконец-то оказалась «чистой, абсолютно прозрачной, холодной без осадков, без всякого привкуса» [1, с. 19]. Так постепенно формировалась замкнутая экосистема базы, включающая береговой и антропогенный ландшафт.

Благоустройство территории. С началом Первой мировой войны государственные ресурсы пошли в западном направлении и капитальное строительство на базе АРФ уже не начиналось – достраивались текущие объекты. Основные усилия были направлены на благоустройство Адмиральской, Офицерской и Матросской улиц. Работа, начатая в 1915 и производившаяся до конца строительного сезона 1916 года, заключалась в устройстве следующих средовых элементов: мощеной проезжей части, пешеходных мостков (тротуаров), переездных или пешеходных мостиков через боковые канавы улиц, подземных труб для пропуска вод под полотно. Кроме того, по сторонам улиц были высажены деревья. К сожалению, породы деревьев в журналах КУБ не указаны. Протяженность благоустроенных отрезков составила 602 погонные сажени [6].

О том, что финансирование базы неотвратимо сокращалось, свидетельствует телеграмма в Петербург председателя КУБ генерал-майора Анчевского от 19.01.16: «...за неимением кредита чины и служащие комиссии остаются без содержания, предстоят экстренные платежи рабочим, прошу срочно перевести 25000» [1, с. 53].

18 февраля 1918 года вышел приказ о расформировании флотилии, подписанный ее последним начальником – капитаном 1-го ранга Г. Г. Огильви, однако история базы на этом не закончилась – начался новый, советский этап, длившийся еще 70 лет.

Заключение

Обилие цитат, загромождающих текст, возможно, утомило читателя, но нам было важно «дать слово» участникам событий, разворачивавшихся в начале XX века вокруг проекта базы Амурской речной флотилии. Сухие протоколы и эмоциональные рапорты помогают почувствовать в военных инженерах коллег и товарищей. Нам понятны их тревоги и надежды, мы угадываем в казармах на голых утесах мечту о русском Тихом океане.

Литература

1. РГВИА. Ф. 1566. Оп. 2. Д. 68. «Дело № 13 Пятого Округного Управления по квартирному довольствию войск Приамурского военного округа на 1915 г.». Копии непосредственных сношений, январь 1915 – январь 1916. 49 с.
2. РГАВМФ. Ф. 1273. Штаб Амурской речной флотилии г. Хабаровск 07.05.1912 – 13.05.1918. Оп. 1. Д. 5. 30 л. Акты комиссии по устройству базы АРФ о приемке строительных работ.
3. РГАВМФ. Ф. 422. Особый комитет по организации прибрежной обороны. Оп. 1. Д. 19. 09.01.12 – 2012.12. 337 л.
4. РГАВМФ. Ф. 1273. Штаб Амурской речной флотилии г. Хабаровск 1907–1918 гг. Оп. 1. Д. 1. 22 л. Доклады командующего флотилией рек Амурского бассейна кап. 2-го ранга М. К. Бахирева о состоянии Амурского бассейна, необходимости усиления обороны р. Амур и учреждении Амурской речной флотилии. 1907.
5. Всеподданнейший отчет о произведенной в 1910 году по высочайшему повелению сенатора Глишинских ревизий учреждений и учреждений Военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов. В 5 т. – Т. 2 : Военно-инженерное ведомство и войсковые строительные комиссии. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1911. – 474 с.
6. РГАВМФ. Ф. 1273. Оп. 1. Ед. хр. 5. Отдел портово-дорожный. Технический список № 8 мощений улиц на базе с устройством пешеходов/тротуаров с обсадкой улиц деревьями. – С. 15.
7. РГАВМФ. Ф. 409. Оп. 1. Ед. хр. 4. Генеральный план базы. Синька.
8. РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Ед. хр. 769. Планы и чертежи казарм и зданий Морского ведомства по портам. Амурская речная флотилия. – С. 58–62.
9. РГВИА. Ф. 349. Оп. 41. Д. 544. Генеральный план расположения казарм на 2 батальона стрелкового полка, 1 батарею и 1 казачью сотню. По г. Харбину. 1902 г.
10. РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Приморская обл. Д. 1. План г. Дальнего. Альбом фотографий. 1903.

References

- Most humble report on the audits of institutions and establishments of the Military Department of the Irkutsk and Primorsky Military Districts carried out in 1910 by the highest order of Senator Glishchinsky. In 5 volumes. (1911). In *Military Engineering Department and Troop Construction Commissions* (Vol. 2). St. Petersburg: State typography.
- Russian State Archives of the Navy*. Fund 315. Inv. 1. File 769. Plans and drawings of barracks and buildings of the Naval Department for ports. Amur River Flotilla. Pp. 58-62.
- Russian State Military Historical Archive*. Fund 349. Inv. 41. File 544. General plan for the location of barracks for 2 battalions of a rifle regiment, 1 battery and 1 Cossack hundred. For the city of Harbin, 1902.
- Russian State Archives of the Navy*. Fund 409. Inv. 1. File 4. General plan of the base. Blueprint.
- Russian State Archives of the Navy*. Fund 422. Special Committee for the Organization of Coastal Defense. Inv. 1. File 19, 09.01.12-2012.12, 337 p.
- Russian State Archives of the Navy*. Fund 1273. Headquarters of the Amur River Flotilla, Khabarovsk, 07.05.1912-13.05.1918. Inv. 1. File 5. Acts of the commission for the arrangement of the ARF base on the acceptance of construction work, 30 p.
- Russian State Archives of the Navy*. Fund 1273. Headquarters of the Amur River Flotilla, Khabarovsk, 1907-18. Inv. 1. File 1. Reports of the commander of the Amur River Flotilla, Captain 2nd Rank M.K. Bakhirev, on the state of the Amur Basin, the need to strengthen the defense of the Amur River and the establishment of the Amur River Flotilla, 1907, 22 p.
- Russian State Archives of the Navy*. Fund 1273. Inv. 1. File 5. Port and Road Department. Technical list No. 8 of street paving at the base with the construction of pedestrian/sidewalks with tree-lined streets. P. 15.
- Russian State Historical Archive*. Fund 1293. Inv. 167. Primorskaya Oblast. File 1. Plan of the city of Dalniy. Photo album, 1903.
- Russian State Military Historical Archive*. Fund 1566. Inv. 2. File 68. Case No. 13 of the Fifth District Directorate for Housing Provision of Troops of the Amur Military District for 1915. Copies of direct communications, January 1915 – January 1916, 49 p.